

Талина
Сафронова-Пирус

РОДНИКИ ДОНХ СЛЫСЛОВ

Т.С.П.

записки-
воспоминания

Галина Сафонова-Пирус

**Родники моих смыслов.
Записки-воспоминания**

«Издательские решения»

Сафонова-Пирус Г. С.

Родники моих смыслов. Записки-воспоминания / Г. С. Сафонова-Пирус — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-830705-8

«Родники моих смыслов» — сборник, в который помещены мои расследования о предках, написанные по документам областного Архива, записки и воспоминания о маме, Сафоновой Марии Тихоновне, и братьях, рассказы о быте ушедшего времен и отрывки из дневников периода «трудного возраста» подрастающих детей. В книге использованы фотографии из семейного архива.

ISBN 978-5-44-830705-8

© Сафонова-Пирус Г. С.
© Издательские решения

Содержание

Обретение предков	6
Сафоновы	7
Болдыревы	15
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Родники моих смыслов

Галина Сафонова-Пирус

© Галина Сафонова-Пирус, 2016

ISBN 978-5-4483-0705-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Обретение предков

Моя родовая ветвь... Выискивала информацию в Интернете, в фондах Брянского областного Архива, вписывала отрывки из воспоминаниям мамы, Сафоновой Марии Тихоновны, сожалея о том, что не сделала этого раньше, когда были еще живы близкие родственники. И всё же надеюсь, что даже эти скромные записки мои послужат потомкам и пробудят в их душах добрую память.

Сафоновы

Тягловые или чернососшные, даточные или посошные люди, мои предки по отцу карачевские¹ экономические крестьяне слободы Рясника² Христофор Иванов Потапов, Его жена Марфа Казмина, его сын Никита, жена Мария Казмина, его дочь Пелагея...

Кажется, с укоризной смотрят они на меня из тёмного небытия, ибо даже не знаю наполнения сопутствующих определений. И совестно мне, – совесть зарит! – но хочу, хочу избавиться от этого стыда-незнания.

Так пусть любопытство и терпение помогут мне докопаться до значения незнакомых речений и хотя бы размыто, словно в тумане, увидеть их, моих далёких предков, узнать, как жили, о чём тревожились, чему радовались и как одевались? А еще обернуться в незнаемое пособит мне Интернет да вот эта папка с выписками из реестров канувших в Лету годов.

Итак, кем были тягловые или чернососшные люди?

«В отличие от крепостных не были они лично зависимыми, а потому несли тягло (налог) не в пользу помещиков, а в пользу государства».

А даточные и посошные?

«Временные рекруты в Русском государстве XVI – XVII веков, по указу набравшиеся в княжеское войско по сошному окладу, – с сохи».

Похоже, я начинаю распутывать сбившуюся нить размотавшегося клубка... Википедия, выручай! Что значит оклад – с сохи?³

«Еще татары брали дань с сохи, а с XIII по XVII век дань стала податным обложением, с 1678 года заменена дворовым числом, – соху стало составлять определённое количество дворов».

Сколько ж я не знаю!.. Стыдно.

А теперь – к выпискам из документов Архива.

«1772 г. Ревизская сказка экономических крестьян слободы Рясника.

Иван Сергеев сын, переведен из д. Байковой того же ведомства. У него жена Устинья. Взята из слободки Рясника, написанной в последней 3-й ревизии. У них дочь, рожденная после ревизии Настасья полугодка...»

Но что за сказки и с каких времен проводились?

«Ревизские сказки – документы именной переписи податного населения с целью подушного налогового обложения, в которых указывались имя, отчество, фамилия владельца двора, членов семьи, отношение к главе семьи и включались лица мужского и женского пола. Проводились в селениях старостами с 18 до середины 19 века».

¹ Карачев, Карачевский уезд упоминается с XVII века. В 1708 году Карачевский уезд вошёл в Киевскую губернию, с 1727 года – в Белгородскую, в 1778 году вошёл в состав Орловского наместничества (с 1796 года – Орловская губерния), в 1920 году передан во вновь образованную Брянскую губернию.

² Рясники – село Карачевского района, в 1 км от западной окраины Карачева, на левом берегу Снежети.

³ Соха – пахотное орудие с широкой рабочей частью (рассохой) из дерева, оснащённой двумя железными сошниками и железной лопаткой – палицей и соединённой с оглоблями, в которые запрягали лошадь. Известна с 3 тыс. до н. э. Единица податного обложения на Руси с XIII по XVII века, когда ещё татары брали дань с сохи, как земледельческого орудия при двух-трёх лошадях.

Так вот почему Архив не дал мне сведений более раннего периода! А жаль... Ну, что ж, тогда вначале попытаюсь узнать: как и с какого времени стал складываться класс крестьян на Руси, к которым принадлежат мои предки по отцу.

«Издавна из Днепровского бассейна к северу и востоку за Волгу и Оку продвигались поселенцы, посреди лесов и болот отыскивали сухие места, открытые пригорки, выжигали леса, выкорчёвывали пни, поднимали целину...»

И вначале селились они отдельными дворами, где после смерти отца одни сыновья оставались в «селе», а другие уходили на новые места, где и возникали однодворные деревни-починки, превращаясь в маленький двухдворный или трехдворный поселок «с пожнями⁴, и дворы, и дворища и орамы⁵ земель, и с притеребы⁶, и с рыбными ловищи⁷ и со всеми угоды». А границы деревни тогда не обозначались, простора было много, и определялись тем,

«что к той деревни потягло из старины, куды и серп и топор и коса и соха ходила из тое деревни».

Значит, и не в столь давние предки мои пахали всё той же сохой, как и далёкие, – прадед, дед, – а, стало быть, как рассказывала мама, и тем, и другим хватало работы и зимой, и летом, осенью, весной.

Д. А. Аткинсон. Пашущий крестьянин (Гос. Эрмитаж).

⁴ Пожити – луг с покосом и лесом.

⁵ Орамы – пахотных угодий.

⁶ Притеребы – расчищенные земли.

⁷ Ловище – место для звериной и рыбной охоты.

«Как только снег сойдёт и земля чуть прогреется, вот и начнется пахота. А пахали-то сохой... и сажали под соху, это только потом плуги пошли, те уже на колесах были, а соху-то в руках надо было держать, вот и ну-ка, потаскай ее целый день!

Посеять мужик... не перевернулся – сорняки полезли, полоть подошло, а тут уже и картошку окучивать надо. Ее ж по два раза сохой проходили, межи-то во-о какие нарывали! Вот потом она и вырастала с лапоть. Чего ж ей было не расти? На навозце, земля – что пух. Ступишь на вспаханное поле, так нога прямо тонить в земле-то!

А покосы начнутся, жатва подойдёт?.. Ох, и трудная ж это работа была – хлеб убирать! Его-то ведь зорями косили, а если лунные ночи, то и ночами... днем-то рожь жёсткая становилась, а зорями и ночью влага колосок схватывать и не даёт ему осыпаться, вот поэтому и жали, когда роса выпадит, а бабы так уж и старались к утру перевёсел⁸ накрутить из хорошей соломы. Заткнешь их потом себе за пояс, свернешь сноп⁹ граблями, свяжешь перевеслом этим и ставишь, свяжешь и ставишь. И часов до трех так, пока жара не вспечёт, а спадёт, и опять пошли...

Но снопы вязать – это еще ничаво, можно было, а вот серпом¹⁰ жать... во когда лихо! Жали-то серпами днем, в самую жару, когда роса сойдёт. По росе не жали, не-ет, ты ж вся мокрая сразу станешь! Мы с мамкой мало ржи сеяли, так, бывало, обобьем ее сразу пральником¹¹ вот и весь урожай, а Писаревы мно-ого сеяли! И вот как пойдем им помогать... Боже мой, ну до того руки исколешь!.. аж напухнуть потом. Ведь хорошая жница за день до двух копён нажинала, а в каждой – по пятьдесят одному снопу.

А потому по пятьдесят одному, что последний сноп на самый верх стоймя ставился колосьями вниз, что б видно было: копна готова.

Если рожь сырая была, возили ее сушить на рыгу¹², и у Писаревых бо-ольшая рыга была. Привязуть эти снопы и как расставують!.. Тут уж дед цельными днями только и сушить её, топить соломой или суволокой¹³, и только потом молотили её, обмолачивали. Пока бабка встать да завтрак сготовить, мужики копну и обмолотили в четыре цепа¹⁴. В хороший год пудов по десять с копны намолачивали.

Оставляли сжатую рожь и до осени, если не управлялися. Сожнуть ее, а потом и связуть в сараи, и кладут там адонки...

Да это когда в сарае снопы складывают, то под них слой дядовника укладывают... мыши-то не полезут туда, где дядовник. Вот и стоят потом эти адонки, а когда управлялися с урожаем, тогда и начинали молотить. Перевезуть эту рожь на рыгу, наладуют печку, сушить и молотють. И какой же потом хлеб душистой из этой ржи получался!

Пшеницы у нас тогда еще не сеяли, не-ет, пшеничную муку только на пироги к празднику и покупали, а так всё лепешки ситные пекли. Высеют ржаную муку на сито, вот и замесють тесто. Да попрохоней, пожиже его ставили, а потом – на капустный лист и в печку. Бывало, все лето эти листья ломаешь, обрезаешь да сушишь, сушишь...»

Но снова – к прашурам¹⁵.

⁸ Перевёсло – жгут из соломы.

⁹ Сноп – связка срезанных стеблей с колосьями (хлебных злаков и некоторых других растений).

¹⁰ Серп – ручное орудие, жатвенный нож. Используется для уборки зерновых культур и резки трав.

¹¹ ПрАльник (рубЕль) – предмет домашнего быта, используемый для выколачивания белья при стирке и глажения после неё.

¹² Рыга – сарай для сушки снопов и молотбы.

¹³ СУволока (местное) – сухая ненужная трава или ботва от картошки.

¹⁴ Цеп – (чеп, молотило) – примитивное орудие для обмолота, состоит из двух, подвижно связанных концами палок: более длинная (до 2 м) рукоятка и более короткая (до 0,8 м), ударяющая по злакам.

¹⁵ Прашур – отец прапрадеда или прапрабабки, либо вообще отдалённый предок.

Вначале владения их были свободными заимками, – земля была «ничья» или «божья», – но позже князья стали объявлять её своей, и хотя крестьяне стали платить налоги, но всё еще верили:

«Земля царева и великого князя, а моего владенья, и роспаши наши и ржи наши... и та деревнишка от веку вотчина дедов наших и отцев наших».

Но в последующие века владельцев земель государственных или монастырских становилось всё больше, – «сила покоится на богатстве», – и крестьяне превращались в арендаторов или холопов, в XIV—XV веках основной массив уже составляли слободы¹⁶ с крестьянами черных или тягловых (государственных) волостей, а к началу XX их стало около 80% населения Руси и они были низшим, неравноправным сословием разных категорий: приписные – феодально-зависимые, обязанные вместо уплаты оброчной и подушной подати работать на казённых или частных заводах, фабриках и были прикреплены (приписанны) к ним;

И экономические – государственные крестьяне, образовавшаяся из бывших монастырских и церковных крестьян; помещичьи – крепостные, принадлежащие дворянам-помещикам (и наиболее многочисленные); дворцовые или удельные – принадлежавшие лично царю и членам царской фамилии (их земли назывались дворцовыми); черносошные – не были лично зависимыми и несли тягло в пользу государства.

А теперь, после вот такого расследования, снова – к моим не столь далёким предкам по отцовской линии:

«1850г. Ревизская сказка экономических крестьян слободы Рясника. Христофор Иванов Потапов 53 (лет), его сын Иван 19 умер в 1849г., Ивана сын Василий 7, Христофора Иванова сын Никита 28, Никиты сыновья: Иван 4 умер в 1839г, от 2-й жены Василий 10, Александр 8, Стефан 5...»

И все они, мои экономические или казённые предки-крестьяне, еще указами Петра первого были закреплены из остатков не закрепощённых черносошных крестьян, однодворцев, беглых крепостных, нерусских народностей с завоеванных территорий и конфискованных церковных владений, так что, как говорила мама, «крепостными наши деды и прадеды никогда не были, и спокон веку летом работали на земле, а зимой подражались к брянским купцам или овёс куда отвезти, или еще какого товару: пеньку, вино...»

Во 2-й половине XVIII века, при Екатерине второй, окончательно закрепившей крепостное право, помещикам раздали сотни тысяч государственных крестьян, и всё равно со стороны дворянства не раз поступали предложения ликвидировать это сословие с тем, чтобы их земли передать в их пользование. Но относительная численность государственных крестьян всё же росла, и если к первой переписи 1724 года составляло 19% населения, то к последней, в 1858-м – 45%, а численность крепостных уменьшилась с 63% до 35%.

Вот так... Оказывается, к реформам Александра второго в 1961 году крепостных крестьян оставалась всего треть, а нам при социализме твердили, что все крестьяне России были закрепощены.

«Государственные крестьяне рассматривались как свободные сельские обыватели, имеющие юридические права, – могли выступать в суде, заключать сделки, владеть собственностью, – им было разрешено вести розничную и оптовую торговлю, открывать фабрики, заводы и предприятия».

¹⁶ Слободы – первые упоминания в X – XI веках. Поселения, освобождённые от государственных повинностей, отсюда и название «слобода» – свобода, свободное поселение.

Ну да, ведь и у Сафоновых была... А впрочем, вот что мама рассказывала:

«Раньше Листафоровы бочки делали, и специалисты бо-ольшие по этому делу были, ну а когда мужики стали колёса железом отягивать, они и завели кузню и мой будущий муж Семён в ней работал за главного кузнеца, а помогали ему братья Васька, Митька, Колька и Шурик. Так-то приедить мужик, а ему и колеса отянуть, и ось железную сделать, и всю снасть починить, да и с мелочью разной всё-ё к ним шли: крюк какой согнуть, кастрюлю залатать, а баба другая и ухват¹⁷ или кочергу¹⁸ выковать попросить. А место для кузни было бойкое, бывало, как заставую всю горку повозками!.. А тут еще рядом мельница стояла, вот мужики и зерно в ней смелют, и починют в кузне что надо, и лошадь подкуют. Цельными днями наши из кузни не выходили, все вместе к столу и не сходились. Как же ты кузню-то с огнем бросишь? И вот если кто вырвется, прибягнуть домой, тогда мать и тапшыть чугунок из печки, так цельный день и двигать его туды-сюды. Ну-ка, покорми эту ораву! Хлеба-то, бывало, начнем печь, так пуда полтора-два муки сразу и замесим, и это уже наша работа была, кто помоложе».

«С 1801 года экономические крестьяне могли покупать земли на правах частной собственности „ненаселёнными“ (без крепостных) и были обязаны вносить деньги на земские нужды, платили подушную подать и отбывали натуральные повинности (дорожную, подводную, постоянную¹⁹, ямскую²⁰ и другие, а за исправное несение повинностей отвечали круговой²¹ порукой».

Ну что, может, чтобы еще немного прорисовалась картина жизни моих предков до двадцатого века взять и это?

«В начале XIX века стали вспыхивать волнения против сокращения крестьянских наделов, тяжести оброков и в 1837—41 годах было учреждено Министерство государственных имуществ, проводшее реформы, – крестьяне получили самоуправление, возможность решать свои дела в рамках сельской общины, но по прежнему оставались прикрепленными к земле.

Следующее реформирование было после отмены крепостного права в 1961 год, но снова наталкивалось на сопротивление помещиков и не было реализовано, а в ноябре 1866 года был принят закон «О поземельном устройстве государственных крестьян», по которому «за сельскими обществами сохранялись земли, находившиеся в их пользовании на правах „владения“ (прямого пользования), но выкуп был регламентирован, в результате чего наделы сократились на 10%, а выкупные платежи возросли по сравнению с оброчной податью на 45%, но были прекращены с 1 января 1907 года при аграрной реформе Столыпина и под влиянием революции 1905 года».

Ну, а после 1905 года... вернее, с 1917 началась другая история моих предков, – продразвёрстки, продналоги, разорение, голод, – и к концу двадцатых годов самых работающих крестьян России стали «уничтожать как класс», а остальных снова закрепощать колхозами, – паспортов не выдавали до 1974 года. Но не буду в этом моём «исследовании» – о годах социализма

¹⁷ Ухват или рогач – приспособление, представляющее собой длинную деревянную палку с металлической рогаткой на конце. Ухватом захватывали и ставили в русскую печь чугунок.

¹⁸ Кочерга – инструмент из железа для выгребания углей, перемещения дров в горящем камине или печи.

¹⁹ Постоянная повинность – обязанность принимать участие в постое войск.

²⁰ Постоянная повинность – обязанность принимать участие в постое войск.

²¹ Круговая порука – обязательство крестьянских общин отвечать за исправный взнос.

(об этом уже написала в записках «В Перестройке» и в «Ведьме из Карачева»), а снова возвращусь к предкам отца, Сафонова Семена Афанасьевича (1903—1956).

Взяла именно эту выписку из метрической книги потому, что из неё прослеживается положение государственного крестьянина по отношению к другим представителям русского общества: поручителями при бракосочетании Никифора и Марии были крестьянин и отставной солдат, восприемником и восприемницей при рождении дочери – крестьянин и мещанская жена, при рождении сына Федора – однодворческая жена, так что жили тогда «представители» «на равных», хотя перед государством и несли разные повинности.

О моих предках однодворцах по материнской линии – речь впереди, а вот о восприемниках хочу оставить несколько слов, ибо вместе с ними почти канули в Лету вот такие традиции, которые они чтили.

А были они крёстными отцами (крёстный), крёстными матерями (крёстная), а между собой и родителями ребенка назывались кумовьями, и с момента крещения становились духовными родителями, принимающими ответственность перед Богом за воспитание и благочестие крестника или крестницы. Им надо было научить их обращаться к таинствам церкви, посещать церковные службы и поститься, давать знание о смысле богослужения, а еще помогать в повседневной жизни, защищать от соблазнов и искушений, давать советы в выборе образования, профессии, супруга или супруги.

Сколько же потеряли мы в своём духовном содержании за семьдесят лет социализма! И возвратимся ли, найдём утраченное?

Подходит к концу моё «расследование» об экономических крестьянах Сафоновых, а поскольку в русской генеалогии прямым считается родство по мужской линии, то назову имена тех, кто считается продолжателем родов. А пробандом²² был Сергей около 1720 года, и далее:

Иван Сергеев 1747г. – 1807г.

Христофор Иванов 1796г.

Никита Христофоров 1822г.

Афанасий Никитин около 1870г.

Семен Афанасьев 1903г. – мой отец.

О Сергее и Иване ничего не знаю, кроме того, что написала об экономических крестьянах, а вот о Никите Христофорове... Наверное, вот этот рассказ мамы может относиться и к нему, понеже он – из 1812 года:

«Спокон веку деды наши и прадеды жили и работали на земле. Крепостными никогда не были, а поэтому летом дома трудились, а зимой подражались к купцам в Брянске куда-либо овёс отвезти, пеньку, вино, или еще какого товару, и этим занимались все обаятельные деревни: Масловка, Вшивка, Трыковка, Песочня, Рясники. У кого лошади хорошие... что ж, стоять, они чтолича будут? Ведь хлеб, картошка, масло, крупа, мясо – это все свое было, а на расходы-то деньги нужны? Вот в извоз мужики и ездили. Помню, когда отец возвращался, то всегда нам гостинцев привозил, а для матери вынимал из кармана деньги. И вот как начнётся сыпать на стол золотые пятерки, а они блестять, как живые!

На лошадях работали и дед отца, и прадед, ездили даже и в Москву, деньги туда возили, а оттуда – товары разные. Сейчас как соберутся в дорогу, так и едут к купцу. Открывают им тот амбары, а они бяруть лопатки, ставят мерку и набирают этими лопатками пятаки. А они

²² Пробанд – лицо, от которого составляется родословная.

бо-ольшие были! И на что их такими делали?.. Набяруть этих пятаков в мешки, завяжут, на возы и-и по-оехали. Раз так-то едут, а навстречу им – мужики:

– Куда вы?

– В Москву.

– Да что ж вы туда едете-то? В Москве ж хранцуз!²³

Ну, раз там хранцуз, так что ж туда ехать-то? Развернули наши лошадей да назад.»

А вот этот эпизод уж точно о Никите Христофорове (позже называли «Листафоровы»), который тоже рассказан мамой и есть в моей повести «Ведьма из Карачева»:

«Едит он раз с извозу, смотреть, а мужики мост ремонтируют и бабку, которой сваи забивали, поперек дороги бросили, ни-икак ему не проехать! Вот он и говорить им: ребята, уберите, мол, бабку. А те сидят и курют. Он опять: «Уберите, ребят»! Ни-ичего те, только один и отвечать: «Сам убери, коль она тебе мешаить». Ну, свекор и согласился: ладно, мол, уберу, только тогда не обижайтесь! Те-то: ха-ха-ха! А в бабке этой, должно, пудов пятнадцать было. Подошел он к ней, поплевал на руки, да как хватить за конец!.. потом – на попа и ку-увырк с дороги! А там как раз болото рядом был, вот и попади эта бабка в него да петлём вниз! Попробуй-ка, достань ее теперича! Бросились мужики к свёкору, а один и остановил их: «Не-е, не троньте его. Пусть едит. Он же просил вас...»

Рассказывала мама и о сыне Никиты Христофорова, моём прадеде Афанасии:

«Мужа своего свекровь моя не то чтоб любила, но уважать – уважала, и жили они в ладу, я и не помню, чтобы ссоры между ними были. «Когда меня просватали за Афоню, – рассказывала, – и надо было венчаться, то у него сапог даже не было, в лаптях только и ходил. А для тех, кто женится, у старосты хранились сапоги общественные, и можно только себе представить, какого они размеру были, что б всем в пору. И вот как надел мой жених эти сапоги, как принарядился!.. так с места ног и не сташшыл. Посмотре-ел, посмотрел на него батя, да и сжалился: поехал в город и купил ему сапоги. Так потом вся деревня завидовала Афоне: в своих сапогах венчался!

Трудяга свёкор был, каких мало! Ча-асто, когда ложился спать и сказать так-то:

– Ох, как же дома хорошо! Хоть отосплюся теперича.

Он же всё в извозы ходил, а когда ехали, то молодые ребята как бы там ни было, а заснуть да заснуть, вот ему и приходилось сторожить за всех. Так, бывало, уцепится руками за задок саней, идёт и спать на ходу.

А раз согласились они так-то с братом и купили револьверты... водку ж купеческую охранять надо, не раз их бандиты встречали.

– И вот, – рассказывал, – едем мы, сiju я на задней повозке... а заря уже занималась, и вдруг вижу: как грач какой через дорогу ша-асть! Другой за ним, третий... Закричал Митьке, а тот подхватился, да как давай спросонья пулять куда попало из револьверта! Пули прямо мимо меня фью-ють, фью-ють! Плюхнулся на воз, а одна даже картуз так и снесла. Остановили лошадей, глянули, а на среднем возу в веретях²⁴ дырка прорезана и бутылки повыташшаны. Воры-то, значить, забрались на воз, да по одной и кидали в канаву, ехали и кидали, бутылки эти, как грачи, и летали.

В семье нас было тринадцать душ, а чтоб какой скандал затеялся... Боже упаси! Если кто и начнёт, так свекор сразу:

– Что такое?.. Чтоб у меня этого не было!

²³ 1812 год. К Москве подошла французская армия Наполеона.

²⁴ Виритье – грубая ткань из оческов льна или пеньки.

Как вечер – кто на балалайке играть, кто на гармошке, а он – рассказывать, вот тогда сидим и слушаем. И смеяться свёкор любил, гро-омко так смеялся! Особенно, когда приходил к нам Гарася и истории разные рассказывал про чудеса, про науку. Сын-то у него на инженера был ученый, вот, значить, Гарася кое-что от него и знал. Рассказать так-то, а свёкор смеяться:

– Да никакой науки нетути! Все люди только по опыту живут.

Спорюти они, спорюти так-то... а раз Гарася этот и говорить:

– Ну ладно, раз не веришь в науку, то я к тебе сына пришлю. Вот придёт, посмотреть, к примеру, на твою свинью и сразу точно определить, сколько весить.

– Ха-ха-ха! – свекор-то. – Да я и так знаю. Должно, пудов девять или десять.

– Да-а, хорошо же ты знаешь!.. А сын тебе до фунта сосчитать!

– Ну, брось ты... До фунта! Ха-ха-ха! – свёкор опять.

– Не веришь, значить. Ну, ладно, когда будешь резать, скажи.

Ну, свекор так и сделал. Приводить Гарася своего Федю, посмотрел-посмотрел тот на свинью, стал обмерять да записывать, обмерять да записывать... Ну, потом зарезали эту свинью, взвесили. И точно! Фунт в фунт!

Тут-то свекор и спродивился прямо:

– О-о, пралич тебя убей! Во, что значить ученый! И как он мог так сосчитать? Мерил-мерил, писал-писал и-и... на тебе, до фунта!

Сразу поверил в науку. А вот докторам не верил до конца дней своих. Как-то заболел у него зуб, а у нас врач знакомый был, вот и пошел к нему. Угостил тот его спиртом, поговорили они о том, о сём... свекор и ушел. И зуб у него успокоился. Да он и сроду ничем не болел! А вот умер за несколько дней от простуды, вскорости после войны последней. Раз неподалеку от них машина с зерном в речку перевернулася. Мост-то во время войны немцы взорвали, и что б на другой берег перебираться, натаскали мужики на воду кой-чего... как плот все-одно соорудили, вот и переезжали. Ну, а эта машина возьми да перевернись, зерно и высыпись в речку. Машину-то потом кой-как вытащили да уехали, а зерно... Вот свекор с Тихоном и сообразили его оттудова таскать, время-то голодное было. А заморозки уже начинались. Вымокли они, конечно, намерзли и занездоровилось ему. Ну, что б доктора позвать, ведь в то время какие-никакие, а были, но куда там! А Сережка, сын его, в пожарке тогда работал, в Карачеве, и там у них банька была, вот и говорить бате: пойдём-ка, мол, папаш, в баню, распаришься хорошенько, все и пройдет. Пошел свёкор... и распарились они там, а когда домой шли по заречью-то... а там же ветер всегда как привязанный всеодно!.. их и продуло. Как пришли, так на другой день оба и захворали. Ну, свёкор сразу слег, а Тихон хоть и продержался дня два, но тоже слёг и помер, а через четыре дня и свекор. Восемьдесят четыре года ему тогда уже было!»

Ну, а о сыне Афанасия, моём отце Семене, – в «Ведьме из Карачева».

Болдыревы

Открываю папу с копиями документов Архива и читаю самую позднюю запись о предках по материнской линии:

«Книга Севского стола 1782 г. Карачевские Беломестные казаки: Яков Ивана сын Болдырев, Беломестных казаков дети: Фетька Болдырев, Ермошка Болдырев...»

Что за беломестные?.. Но может, вначале уточнить: кто такие казаки вообще?

«Еще в летописях упоминаются бродники, которые ходили за черту княжеств, поэтому одни историки и предполагают, что именно они стали казаками».

А другие историки?.. Слово это, мол, тюркского происхождения, так называли легковооруженного воина.

А третьи?

«Казаками звали слуг государя, связанных со сбором ясАка (налога), но которые попутно занимались и простым грабежом».

Вот так... Ну да, не зря же в разных регионах «слово «казак» несло в себе смысл: «свободный человек», «вольнонаёмный работник», «свободный воин» и даже «бандит». А беломестные? Неужели и они грабили?

«В семнадцатом веке это – общины служилых казаков Московии, которые, после карательной экспедиции Василия II в 1456 году, разгромившего Новгородскую оппозицию, бежали на границы и стали первыми поселенцами земель Северского княжества».

Что за Северское княжество?

«Северщина или Северская земля, Северная страна, Севея, Сиверия – область в VIII – XVII веках на северо-востоке современной Украины и на юго-западе современной России. Название – от племени, населявшему территорию, – северяне, севрюки».

И после отвоевания Иваном Грозным этих земель у литовцев в 1517—1523 годах, к его титулам прибавилось: «Северные страны Повелитель» и появилось Новгород-Северское наместничество, в которое входили и земли современной Брянской области. Значит, все мои далёкие предки, называвшиеся беломестными казаками и жившие почти два с половиной века назад, – Яков, Фетька, Ермошка, Петр Данилов Болдыревы да и живущие «вослед за ними» были поселенцами окраин и служилыми²⁵ людьми России, охранявшими землю, на которой живу.

²⁵ Служилые люди несли военную или административную службу. Были служилые «по отечеству», – их служба передавалась от отца к сыну, – и служилые «по прибору», – стрельцы, казаки, пушкары, толмачи (переводчики) и другие, – набирались из податных сословий (крестьян, мещан, цеховых рабочих) плативших подушную подать.

Так выглядели мои предки

Кстати, а какова этимология слова окраина?

Переферия, краина... а еще и оукраина?

Слово оукраина упоминается в Ипатьевской летописи 1187 года в связи со смертью в Переяславской земле князя Владимира Глебовича, — «о нем же оукраина много постана». С того времени и до XVI века в письменных источниках употреблялось в значении «пограничные земли», а, значит, во времена моего предка Ермошки и его братьев Северское княжество называлось уже не оукраиной, а окраиной, которую они и охраняли. И каков же, апеллируя к современным понятиям, был статус беломестных?

«За особые государственные заслуги они освобождались от податей (тягла), получали „белые земли“ (обелённые, обельные, белые места), и дворы их назывались „беломестными“ в противоположность дворам „чернослободским“, с которых брали подати».

Стало быть, были они из привилегированных сословий.

«И больше всего беломестных казаков было на Верхнем Дону и в районах Ельца, Курска, Путивля и Орла...»

Орёл... в восьмидесяти километрах от моего Карачева.

«Подчиняясь местным воеводам, управлялись атаманами, несли службы наряду с казаками-однодворцами, детьми боярскими²⁶ и занимались земледелием».

Словом, хотя и несли службу, но работали на земле, как и мой прадед Илья, живший во второй половине девятнадцатого века.

Из воспоминаний мамы:

«Помню дедушку Илию... И старым уже был, а всё-ё ему покою не было ни летом, ни зимою. И морозы начнутся, а он – цельный день на дворе то грабли какие ладить, то бороны²⁷ ремонтировать, то повозку чинить. А когда овцы начнут котиться? Тогда и вовсе ночами из сарая не выходил: не прозевать бы ягнят! Как только окотится овца, сразу и несёт ягненка в хату. И вот так отдежурить несколько ночей, а потом ка-ак повалится на кровать прямо в валенках, в шубе и захрапел сразу. А разве поспишь днем-то? Тут же со скотиной управляться надо, тут сын с извозу приехал, надо лошадей отпрячь, накормить, напоить... Трудился, не покладая рук, всё крестьянство на силе только и держалось. Силён – будешь жить крепко, и землю обрабатываешь, и урожай соберешь хороший, сам будешь сыт, и скотинка твоя в достатке будить. По праздникам только и отдыхали.

Бывало, как только подходить какой, так дед Илья и запрягайт лошадь: мучички белой купить, сахарку, водки бутылку и две четвертушки, и вот когда придуть все от обедни разговляться, так и выпьют по рюмочке, и женщинам дадут чуть-чуть, и детям по напёрсточку. Семья-то наша была одиннадцать душ!.. а только бутылку водки и распивали. На другой день уже только четвертушку поставют на завтрак, и нам уже никому не дадут, а еще одна останется: не пришел бы гость какой. Вот тебе и вся выпивка, а потом только и отдыхали. В праздники не работали, не-е, это ж грехом-то каким считалось! Хотя тут что, а не работали. Бывало, полоть самое подойдёт, а тут как раз – наш приходской праздник Тихоны, вот и празднують... А Петров день? Покося ж как раз начнутся, а всё равно и в чистенькое переоденутся, и на чистой постельке поспят, в церковь обязательно сходят и Богу помолются, потом вкусненьким побалуются, а мужики сойдутся и о своих делах потолкуют.»

В моей папке с фото-выписками из реестров за 1834 год записаны однодворцы Беломестной слободы Сергей Иванов Болдырев, его жена Евдокия, их дети Петр, Сергея брат Захар Иванов. Кем же они были, – однодворцы?

Одно из первых упоминаний слова «однодворец» относится к 1636 году. И были они свободными, имели фамилии, уходящие своими корнями еще к военно-служилому сословию четырнадцатого века. Земли их были или поместными участками предков, или захваченными в дикой степи, или купленными, жалованные правительством в вотчину и распределялись не подушно, а подворно, – возможно, отсюда и название.

Жили однодворцы на бывших приграничных землях, в том числе и на Орловской, в которую входил Карачев. Сословие сформировалось из детей боярских, стрельцов²⁸, солдат, рейтаров²⁹, драгун³⁰, копейщиков³¹, пушкарей³², обедневших дворян, а также татарской аристокра-

²⁶ Дети (или сыны) боярские – вместе с дворянами несли обязательную службу, получали поместья и записывались в десятины – списки служилых людей, составлявших русскую конницу. А бояре – приближенные князя, высший слой феодалов в древней Руси. До конца XII века боярское звание было жалованным, позже предавалось по наследству. Из боярства состояла старшая княжеская дружина.

²⁷ Пушкари – артиллеристы из вольных сословий, служба их была пожизненной и переходила от отца к сыну, получали хлебное жалованье, имели дома, занимались торговлей и ремеслами, но жили по крепостям и находились строго в ведении пушкарского приказа.

²⁸ Стрельцы – «лучники», позже – пищальники-ополченцы, воины первых регулярных войск, потом – стрелцы, пехотинцы, вооруженный «огненным боем», служили «по прибору» как первое и постоянное пешее войско.

²⁹ Рейтеры – всадники.

тии³³ и службу были обязаны нести в течение 15 лет, так что служили, как дворяне³⁴, а налоги платили, как крестьяне (дворяне налогов не платили), и за это правительство выделяло им не только небольшие земельные участки, которые они могли продавать друг другу, но и одну семью крепостных крестьян, живших с ними одним двором и несших те же повинности, что и владельцы. Те, у которых все дети служили, могли оставаться в дворянах, а те, кто не хотел, записывались в однодворцы, но многие из них всё же сохраняли «родословные деревья» (генеалогические таблицы), так что нередко однодворцы называли себя «лапотными дворянами», – были как бы промежуточным сословием между помещиками и крестьянами, но не слились ни с теми, ни с другими. В 1714 году, при Петре первом, слово «однодворец» впервые употреблено официально когда царь решил «турка воевать» и для этого создавалась Ландмилиция, род поселенных войск для защиты окраины от крымских татар.

«А стояти сторожем на сторожах с конь не сседа, переменяясь и ездити по урочищам, переменяясь же, на право и на лево по два человека по наказам, каковы им наказы дадут воеводы. А станов им не делати, а огни класти не в одном месте; коли кашу сварити, и тогда огня в одном месте не класти двжды; а в коем месте кто полдничал, и в том месте не ночевать, а где кто ночевал, и в том месте не полдневати»

В общем, для однодворцев в те годы настали лихие времена, – каждый проезжий армейский обер-офицер норовил ободрать его хозяйство, – да и во все времена их земли подвергались сильнейшему сокращению под натиском помещиков, а При Екатерине второй, когда крепостное право достигло наибольшего расцвета, помещики стали вести себя по отношению к однодворцу еще более нагло и бесцеремонно.

Не могу «пройти мимо» вот этих строк, – ярких и образных, – из наказа однодворцев в Уложенную комиссию 1767 года, где они обращаясь к Екатерине второй, вот так отстаивали свои права от дворян:

«В прошлых давних годах по указам предков вашего императорского величества великих монархов, наши... прапрадеды, прадеды и деды из разных городов сведены в украинские порозжие земли и дикие поля для обороны России от находящихся на ту землю варвар и крымских татар и распространение славы Российской империи и исправляли службу дворянскую и на тех землях поселены... и им те земли даны в поместье и вотчины... за добропорядочные и усердные... службы, за осадное сидение, за оборону российской земли и за полное терпение... верстаны землями и денежным окладом и крестьянами и имеют некоторые из нас жалованные грамоты, писцовые, спорные и отказные выписи. Званием же состояли... в равном классе с нынешним дворянством... и мы, низаишие, имеем дворянское право, ибо некоторые дворяне... нам, низаишим, состоят одних фамилий, в ближних и дальних родствах...

А с 1719 года по соизволению высочайших предков вашего императорского величества монарших указов, деды и отцы наши

³⁰ Драгуны – конница, действовавшая и в пешем строю.

³¹ Копейшики, пикинёры – воины пехоты и конницы, вооружённые пикой или копьем.

³² Пушкарки – артиллеристы из вольных сословий, служба их была пожизненной и переходила от отца к сыну, получали хлебное жалованье, имели дома, занимались торговлей и ремеслами, но жили по крепостям и находились строго в ведении пушкарского приказа.

³³ Татарская аристократия – высшая знать и служилые люди татарских ханств, перешедших на русскую службу.

³⁴ Дворянство – люди, находящиеся на службе у князя, при его дворе, а в 17–18 веках из дворян сформировалось дворянское сословие.

на содержание российской армии положены в подушный оклад и названы ни за какие винности и преступления однадворцами, но только для одной государственной пользы... а по именному блаженной и вечной славы достойной памяти государыни императрицы Анны Иоанновны 731 года генваря 18 дня однадворцов и протчих служб служилых людей, ландмилицию содержащих, черносотными и государственными крестьянами именовать не велено...

От чего ж против предков наших, достоинство и лишение чести от многих дворян ныне мы претерпеваем великую укоризну, поношение и злословие и уже называемы от них, дворян, в равенстве их людей и крестьян. И всегда они, дворяне, везде нами ругаются и бьют смертно. В судебных же местах мы с ними, дворянами, несравняемы и называемы от них необузданными... А по указом блаженной и вечной славы достойной памяти государя императора Петра Великого повелено производить всех служащих по достоинству, кто б какого звания не был... А впредь им, дворянам, однадворческих земель, людей и крестьян у однадворцов и их жен, дочерей и протчих женского пола родственниц покупать не велено. Но оные дворяне те земли и ныне покупают, завладевают насильно... а нас, однадворцов, до владения собственного нашего не допускают».

И в конце обращаются с просьбой к государыне:

«И чтоб дворяне нами не ругались и необузданными не называли, в том им запретить».

Но от Екатерины однадворцы не дождались милости, и только при Павле первом, в 1798 году вышел указ, подписывающий:

«...земли однадворцев, принадлежащие предкам по дачам или купленные сверх положенной нормы в 15 десятин, не трогать, в казну не отбирать, а еще удовлетворять прирезкой из казенных угодий до 15 десятин на душу.»

И это значило, что мои предки-крестьяне получили частнособственническое право на землю.

Но к 1832 году положение их стало таким:

«...Как сии земли и угодья принадлежат во владение не каждому крестьянину порознь, но всем вообще обывателям одной слободы, села или деревни, то распределение их на участки по семействам принадлежит целому мирскому обществу... Остающиеся после умерших поселян участки не могут быть делимы на части наследникам и женам; они подлежат распоряжению мирских обществ», и однадворцам дозволено было удерживать в своей собственности не только уже имеющиеся земли, но и поселенных на них крестьян.

А в 1850 году Государственный Совет решил: «...земли, отведенные однадворцам до 1724 года для первого поселения и исправления служб, составляют собственность казны или общества, но следует принять такое правило: ...последние должны оставаться в пользовании потомков и переходят в распоряжение общества лишь в случае отказа их от этого».

А теперь – о культуре однадворцев.

Долгое время у них сохранялись собственные традиции в одежде, фольклоре, речи и эту особенность отмечал родившийся и живший среди однодворцев Иван Бунин³⁵, вышедший из мелкопоместного дворянства: мужчины слыли домовитыми и аккуратными, одевались чисто и «не без форса», а мундир, оставшийся после службы в драгунах или в ландмилиции, бережно хранили и надевали по праздникам.

А вот об особой гармонии платья и природной красоте однодворок писал Ивану Тургеневу³⁶ литературный критик В. П. Боткин, посетивший вместе с поэтом Афанасием Фетом³⁷ деревни Ливенского уезда Орловской губернии:

«Не могу не сказать о женщинах, или точнее – одеждах их. Говорят, что однодворческие женщины давно одеваются так, а именно: рубашки с высоким воротом, вроде мужской, с широкими, к концу суживающимися рукавами; юбка красная и широкая, обшита черной или синей каймой, плотно охватывает стан. Грациознее этой одежды трудно выдумать, особенно на молодых девушках».

Однодворческие женщины хорошо готовили. Например, густой, как каша, молочный суп, заправленный мукой (мама называла его молочным киселём), или суп с салом или маслом и гречневой, просяной или пшеничной мукой (мама тоже варила).

Когда семья садилась за праздничный стол, покрытый холщовой скатертью, хозяйка выносила блюдо с нарезанным тёплым хлебом-ситником (мама называла ситными лепешками, для которых тесто ставилось «попрохоней», пожиже, а ржаная мука для них тщательно и мелко высевалась), политым коровьим маслом, а хозяин – «обносил» (наш термин) гостей, при этом пили все из одной чарки. Был еще и холодец, домашний квас, отварное мясо из гуся или индейки (разводились главным образом однодворцами) и на десерт – та самая молочная каша.

Что же до сильной стати потомков, то Лев Толстой³⁸ написал:

«Они (однодворцы) никогда не знали помещиков-крепостников. Это и сказывалось на их свободном и доверительном отношении и чувстве собственного достоинства. Они относились к дворянам не как к господам, а как к богатым хуторянам и, здороваясь, протягивали руки, приглашали их в гости, не стеснялись, не притворялись».

Вот такое скромное моё разыскание о беломестных казаках и однодворцах. Но не могу не вставить в свою «монографию» очень яркого свидетельства, – инструкции о защите от воров и пожаров некоему дворецкому Ивану Немчинову:

«Понеже (поелику, ибо, так как) у нас в государстве разбои и татьбы ни от чего так иного умножаются, а мужика нечем противиться обыкновенно разве у осторожного человека в доме перержавелая рогатина, а у иного случается и того нет, кроме одного ожега, которым в печи дрова мешает. И тако, например, которая деревня состоит в числе пятидесяти дворов, а разбойников в ту деревню придут человек двадцать или меньше, которым мужики не токмо противятся, но и того не ведают, как и в деревню войдут: понеже караулов нет, а когда услышат... не токмо выручать, но и кричать не смеют и всякой ищет места, куда б уйти и схорониться. А и нарекать на них за то нельзя, понеже с голыми руками не токмо против рогатины или еще

³⁵ Иван Бунин – 1870—1953, русский писатель и поэт, первый лауреат Нобелевской премии по литературе из России (1933 год). После революции 1917 года эмигрировал, жил во Франции.

³⁶ Иван Тургенев – 1818—1883, русский писатель-реалист, поэт, публицист, драматург, переводчик.

³⁷ Афанасий Фет – (Шеншин) (1820—1892), русский поэт, писатель.

³⁸ Лев Толстой – 1828—1910, граф, великий русский писатель, автор романов «Война и мир», «Анна Каренина».

пищали, но и против дубины не пошто соватца. А когда случаются и погони за разбойниками, собирается мужиков погонщиков иногда по несколько сот; но и таким людством сделать ничего не могут, разве удастся на таких безоружных напасть, каковы сами погонщики, но и таких большую половину упустят, и сие желается токмо от того, как вышепоказано, и от неискусства мужиков: понеже не токмо стрелять, но и за пищаль приняться не умеют. Того ради надобно, чтоб у всякого десятского была пищаль, гладкая, а не винтовальная, так как бывают завесные пищали; и ежели не сыщется деланных, то вели сам нарочно сделать... а ценою чтоб пищаль была не выше рубля. На которую покупку деньги собери с мужиков, и сам оныя пищали подряди и раздай десятским во всех деревнях. И чтоб конечно всякой десятской умел из пищали стрелять; буде же который десятской стар, то вместо его чтоб умел сын его или брат... Протчие ж мужики, сколько б их во дворе ни было, от четырнадцати или пятнадцати лет и до самых таких престарелых, что который уже работать не может, чтоб у всякого было копьё с ратовищем длиною в две сажени. Также во всякой деревне чтоб по ночам всегда был часовой, понеже сие потребно не токмо иметь ради опасности от воров, но и для пожаров; и чтоб было какое звонкое бревно или доска: ибо когда увидит караульной воров или пожар, чтоб мог стучать, и тем прочим людям всем знать дать. Также во всех деревнях поделатъ и трещотки и приказать, чтоб у каждого крестьянина в доме были трещотки. И ежели десятской услышит от караульного голос или крик, то он должен кого из своих с трещоткою послать или сам по деревне ходить и трещать, чтоб всякой мог услышать скорее; и каждой повинен бежать к десятскому на двор, и тут собрався, иттить помогать; а которые из дворов своих не выдут тем чинить жестокое наказание...

Также везде в деревнях в домах поставить в пристойных местах у ворот или где удобнее, караульные высокия на четырех столбах, и сверху покрыть дранью или тесом... где стоять караульному, а с сторон забрать до половины кровли досками для защиты от погоды.

И чтоб на той караульне, как ночью, так и в день, часовой был – в летнее время в день из конюхов, а по ночам и зимою из крестьян караульные. И понеже у нас довольно есть колоколов, того ради выбрать колокол, который всех больше и... велеть повесить на караульне... Сие сделано не для того, чтоб часы бить в колокол, но для пожаров и для плутов; и для того в колокола часов отнюдь не велеть бить, но в доску или бревно, дабы всяк мог знать, что в колокол не даром быют. Также обычай у нас в деревнях сторожам быть на наших дворах, которые приходят с одними голыми руками, что весьма запретить, и приказать, чтоб во всех деревнях приходили на сторожу с копьями или с рогатинами, а для караулов или сторожу купить песочные часовые стеклянные часы и разослать по всем деревням. Также купить на мои деньги завесных пищалей гладких и раздать конюхам, и сверх того давать им в год по фунту пороху и по фунту свинцу на человека, и приказать прикащикам, чтоб они учили их стрелять в цель; однакож, конюховым пищалям лежать всегда у прикащика, а не у них по избам».

Вот ведь как изменилась жизнь за каких-то два века! Пищали с копьями и рогатинами для обороны от разбойников, «копьё с ратовищем длиною в две сажени», трещотки, с которыми надо было «ходить и трещать, чтоб всякой мог услышать»... Читаешь и не верится: да было ли всё это?

А теперь хочу знать: а как они, мои сторожевые предки и землепашцы, охраняли окраины России? И снова: помоги Интернет! Найди войны семнадцатого века, ибо в папке из Архива мои служилые предки упоминаются только с 1674 года.

«Смоленская война 1632—34 годов или Северский поход...»

Ну да, помню: Северские земли, отвоёванные Иваном Грозным у литовцев... Новгород-Северское наместничество, в которое входил и Брянск. Так что я – на «верном пути», и сейчас в описании Смоленской войны непременно найду что-то о своих предках-воителях. Правда, война эта была гораздо раньше, но ведь дед или Иван, отец Якова, Фетьки и Ермошки, могли участвовать в ней.

«По условиям подписанного в декабре 1618 года Деулинского перемирия, завершившего войну, длившуюся с 1609 года, к Речи Посполитой (польско-литовского государства) отошли „искони“ принадлежавшие Московии города Северской земли: Новгород-Северский, Чернигов, Трубчевск, Стародуб и Почеп...»

Теперь эти три города – в Брянской области, как и мой родной Карачев.

«... Сроки перемирия укладывались в 14,5 лет, но уже в начале 30-х годов обе стороны начали готовиться к началу боевых действий, и ратным людям Северской Украины было предписано „с боем“ посещать „бывшие“ уезды Московии, которые „были отданы к Литве на время“, после Смуты, где им надлежало „чинить неприятелю задоры, промышляти, смотря по вестем и тамошнему делу“, а плацдармом для наступления московской рати был Севск (тоже город нашей области), сюда же начали стекаться служилые люди из Карачева, Брянска, Рыльска, Путивля в лице дворян, детей боярских, стрельцов и казаков всех мастей».

Да, читать о Смоленской войне интересно, но мне надо брать что-то самое конкретное, яркое. Пожалуй, вот это:

«Ивану Еропкину было поручено прибрать в казаки в Северских городах охочих «всяких неписменных людей»...

И что за охочие, неписменные?

«Охочие – вольные, не записанные в тягло люди, выходцы из семей ремесленников, мануфактурных рабочих, посадских и дворцовых крестьян, прибранных к ратной службе и участию в военных походах и обязаны были явиться на службу «о дву конь или о дву мерин».

Итак, к началу фразы:

«Ивану Еропкину было поручено прибрать в казаки в Северских городах охочих „всяких неписменных людей“³⁹ с пищальями, численностью 500 человек, с жалованьем, зельем (порохом) и свинцом. Для этой цели были посланы дворяне и подьячие⁴⁰, дабы местные воеводы отпускали всех желающих. Полностью укомплектовать штат охочих казаков, разумеется, не удалось, – „Из северских, государь, городов, и из Камарицкой волости охочих⁴¹ людей

³⁹ Неписменные люди – не записанные в тяглые.

⁴⁰ Подьячие – выполняли основную делопроизводственную работу в государственных учреждениях.

⁴¹ Охочие – вольные люди, не состоявшие на службе и рассчитывающие только на получение доли «ис погрому».

в казаки никто не пишуца и в службу не прибираюца“, – но в зимней осаде Трубчевска в 1633 году принимали участие...»

Ну да, вот:

«...принимали участие карачевские и комарицкие охочие люди, – с Иваном ходили 200 карачевских и трубчевских охочих людей... наиболее крупный штат состоял из дворцовых крестьян Комарицкой волости и Карачевского уезда, и обычно ратная служба была без жалования, только «за добычу», захваченную в походе, – скот, лошади, коровы, рухлядь – да еще за полон, который, правда, было «даром имать не велено».

Так что «ратная служба была без жалования, только «за добычу», стало быть грабить и брать в полон государство поощряло, и посему возьму с сайта вот этот эпизод из войны, – пожалуй, он самый красноречивый:

«В конце ноября 29-го числа 1632 года севским воеводой к Трубчевскому рубежу были направлен отряд, задачей которого было «обереганье» западных границ, а также «промысел» над литовскими людьми, – готовился самый настоящий погром над ними.

И вот через день появился литовский отряд числом 200 человек и водворился в деревне Дубровке (в 40 верстах от Карачева). Тут же из Карачева выдвинулся крупный отряд местных дворян, детей боярских и беломестных казаков атамана Ильи Горячкина и 3 декабря, в первую неделю Филиппова поста («Филиппова говейна»), литовский отряд занял и село Брасово, деревню Сныткино. Встревоженные близостью врага к своим поместьям, карачевцы Осип Бакшеев и братья Веревкины Горностай и Семен выступили ратью в 700 человек, подошли беломестные казаки карачевского атамана Ильи Горячкина да еще в тот же день на сакме (дороге) они встретились с охочими людьми севского подьячего Григория Ферапонтова, тем самым отряд пополнился еще на 500 человек. На совете Ферапонтов был избран «головой», после чего карачевцы и севчане двинулись в сторону Трубчевска, и на помощь им выступил севский стрелецкий полк со стрельцами и казаками, которые везли с собой 2 пищали полковые, 5 пудов зелья, 3 пуда свинца т 50 ядер. Трубчевск был осажден «и севчане с карачевцами городским сидельцам многую тесноту учинили и воду отняли», ибо московским начальным людям стоило больших трудов удержать комарицких и карачевских охочих людей от грабежа.»

Да уж ясное дело, раз воевали «обычно без жалования, только «за добычу», то как же было не грабить? И не удивительно, что «стоило больших трудов удержать» служилых от этого.

«Но неожиданно в только что перешедший в руки московских служилых Трубчевск просочился слух о том, что даже урядник Трубчевска Богдан Красковский был ограблен братьями Бакшеевыми с комарицкими и карачевскими охочими людьми, – отобрали, мол, у него рыжего аргамака и «всякую збрую», Семену Веревкину «с братиею» досталась телега со всяким скарбом и рухлядью, и даже в плен взяли пахолков⁴² Красковского, после чего с награбленным добром упомянутые «молодчики» бежали.

⁴² Пахолки – челядь, батраки, рабы и пленники.

Оправдываясь, Григорий Бакшеев и Семен Веревкин сказали на допрашивании, что Красковского не трогали вовсе, что ложный извет⁴³ на них был составлен от Андрея Зиновьева, брянского головы, также участвовавшего в осаде города и что тот написал извет по зависти, – сам, мол, желал прихватить в Трубчевске меда, соли и рыбы, – а Красковского же на посаде пограбили комарицкие мужики, Григорий же Бакшеев с Семеном Веревкиным, прибежавшие на шум, остановили комарицких мужиков и вернули награбленное Богдану Красковскому. После этого у Григория Бакшеева с бывшим трубчевским урядником произошла справедливая «мена» – за рыжего мерина он дал трех лошадей и две шубы. Правда, на этом совместные боевые действия севчан и карачевцов на Северщине не закончились – позже этот отряд был переброшен под черкасский город Борзну «промышлять сколько милосердый Бог помощи подаст».

⁴³ Извет – донос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.